

Смирнов Василий Дмитриевич

**Турецкие легенды о святой Софии и о
других византийских древностях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Дмитриевич С.**
Турецкие легенды о святой Софии и о других византийских древностях / Смирнов Василий Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 162 с.

ISBN 978-5-519-74094-4

ISBN 978-5-519-74094-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

ВИЗАНТІЯ, Новый Римъ, Константинополь, Стамбуль, Царьградъ — можно ли сразу подумать, что все это имена одного и того же мѣста на земномъ шарѣ?! Такое разнообразіе именъ, которыми называлось и называется оно у разныхъ народовъ, есть наглядный показатель и разныхъ превратностей судьбы, пережитыхъ самымъ знаменитымъ послѣ Рима городомъ. Всѣ воинственные и политически могущественные народы перебивали тамъ то въ качествѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ обладателей его, то временныхъ покорителей и побѣдоносныхъ гостей, чающихъ въ будущемъ своей очереди на владычество надъ нимъ.

Существова такое продолжительное время, городъ этотъ былъ свидѣтелемъ или, вѣрнѣе, вмѣстилищемъ нѣсколькихъ культуръ — эллинско-языческой, греческо-христіанской и, наконецъ, турецко-мусульманской, изъ коихъ каждая наложила на него болѣе или менѣе явственную печать, оставила болѣе или менѣе видные слѣды своего тамъ преобладанія. Эти слѣды замѣчаются какъ въ этнографическихъ особенностяхъ пестраго живого населенія Царьграда, такъ и въ мертвыхъ памятникахъ — произведеніяхъ искусствъ, и главнымъ образомъ архитектуры. То и другое, разумѣется, поочередно уступаетъ разрушительному дѣйствію времени, постепенно распаваясь, видоизмѣняясь или даже и совсѣмъ исчезая, одно раньше, другое позже, одно быстрѣе, другое медленнѣе.

Но то, что обречено на разрушеніе и уничтоженіе, еще долго борется за свое существованіе: истощивъ средства поддержать свою видимую индивидуальность, оно, съ утратою ея, иногда продолжаетъ жить жизнью отвлеченною, становясь предметомъ народныхъ преданій и изукрашенныхъ вымыслами легендарныхъ сказаній.

Въ примѣненіи вышесказаннаго къ Царьграду, или, какъ его турки зовутъ, Стамбулу, мы замѣчаемъ удивительное оправданіе закона жизненной преемственности, усматривая цѣлыя культурныя наслоенія какъ во внѣшней, осязательной области археологическихъ памятниковъ, такъ и въ сферѣ бытовой и литературной. При изслѣдованіи тѣхъ и другихъ надлежитъ идти обратнымъ путемъ, путемъ расчистки, снятія верхнихъ, позднихъ слоевъ, облегающихъ и заслоняющихъ погребенные подъ ними болѣе древніе слои.

Первое, съ чѣмъ приходится встрѣтиться при этой расчисткѣ, есть, конечно, наслоеніе турецко-мусульманское. Оно самое поверхностное, самое рыхлое, какъ рыхлы тѣ турецкія зданія, построенныя изъ щепокъ и мусора, отъ которыхъ при малѣйшей физической катастрофѣ обыкновенно остаются только развалины. Турки — это тупой, праздный народъ, отличающійся какою-то своеобразною флегматическою, самоувѣренною неподвижностью, способный лишь къ стихійному прозябанію, къ потравѣ готоваго подножнаго корма, достоящагося ему безъ всякаго умственного и даже физическаго труда и творчества. Не даромъ же этотъ народъ въ наивной самонадѣянности сложилъ про себя пословицу: „Гдѣ ступитъ копыто турецкаго коня, тамъ уже не растетъ трава“ — ترك آتاك آباغی بصدیغی برده اوت بنمز. Когда конь этотъ все что могъ вытопталъ, и когда дальше ему ступать некуда, историческая роль сѣдока его, можно сказать, окончена. Ему приходится спѣшиться и приняться за ту же черную производительную работу, которая въ свое время была продѣлана всѣми нынѣ культурными народами, если онъ не хочетъ вмѣстѣ и съ конемъ своимъ погибнуть отъ голода, вымереть отъ невозможности паразитнаго существованія. Самый мусульманскій фанатизмъ своими періодическими приступами лишь разжигаетъ въ этомъ народѣ аппетитъ къ скорѣйшему, усиленному истребленію остальныхъ средствъ къ продленію этого существованія, не вызывая никакихъ жизненныхъ силъ и способностей въ его общественномъ и государственномъ организмѣ.

Проживъ четыре съ половиною вѣка въ такомъ чудномъ и замѣчательномъ мѣстѣ, встрѣчномъ пунктѣ двухъ міровъ — европейскаго и азіатскаго, на этомъ проходномъ, этапномъ привалѣ всевозможныхъ народныхъ племенъ и полчищъ, на воздѣланномъ

трудами и усилиями другихъ народовъ полѣ, турки провели это время безплодно и безцѣльно для другихъ и для себя, истребивши плоды прежней, чуждой имъ культуры, но не создавъ ничего своего новаго, что бы могло достаться въ наслѣдіе другимъ народамъ, рано или поздно долженствующимъ водрузить тамъ знамя своей собственной власти вмѣсто оказавшагося культурно-несостоятельнымъ сельджукско-османскаго владычества.

Тѣмъ не менѣе однако же турки не были настолько уже слѣпы, чтобы не видѣть чужихъ созданій рукъ человѣческихъ, и, при всемъ своемъ невѣжествѣ и варварствѣ, не могли оставаться совершенно равнодушны къ величію и красотѣ этихъ созданій: такъ или иначе они предавались ихъ созерцанію и, какъ умѣли, посвоему высказывались по этому поводу въ видѣ не то чтобы положительныхъ описаній или воспоминаній, какъ результатовъ трезвыхъ наблюденій и дѣйствительныхъ впечатлѣній, а больше въ формѣ фабульныхъ сказаній, основанныхъ частію также на искужа заимствованныхъ преданіяхъ, частію, пожалуй, по собственному опыту, не подкрѣпленному однако же ни знаніями, ни образованіемъ.

Такой чудный, поражающій каждого своею величественной красотой памятникъ представляетъ, безъ сомнѣнія, храмъ Св. Софіи, обезображенный мизерностью и эстетическимъ безвкусіемъ турецко-мусульманской культовой обстановки и небрежною запущенностью его внѣшняго содержанія, хотя и сохранившій у турковъ свое прежнее имя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ Ая-Суфья—*آيا صوفیه*.

Храмъ этотъ, обращенный въ 1453 году со времени захвата турками Константинополя въ соборную мечеть султанской столицы, еще задолго до этого событія долженъ былъ привлекать къ себѣ вниманіе всѣхъ зрячихъ людей, въ томъ числѣ и видѣвшихъ его турковъ, которымъ доводилось бывать въ Константинополѣ или даже жить тамъ въ особомъ кварталѣ, гдѣ турецкіе пришельцы имѣли свою мечеть и даже своего собственнаго администратора¹⁾. Эта давнишняя

¹⁾ 'منتجات اولیا چلبی' констант. изд. 1262—1846 г., стр. 57. По свидѣтельству бургундскаго рыцаря Бертрандона, бывшаго въ Константинополѣ въ 1432—1433 гг. въ качествѣ путешественника, у турковъ былъ даже какой-то свой особый политическій представитель со всѣми экстерриториальными правами, наравнѣ хоть бы съ венеціанскимъ байло (*Mémoires de l'Institut National. Sciences morales et politiques. T. V, An XII, p. 566*). См. также Баронъ В. Розенъ, „Императоръ Василій Болгаробойца“, Спб. 1883, стр. 205—206.

повадка турковъ ходить въ городъ въ послѣдствіи послужила основаніемъ и къ измышленію ими новаго имени „Истамбуль“ для завоеваннаго ими Константинополя, ибо это имя есть не что иное, какъ переименованное греческое выраженіе εἰς τὴν πόλιν = „въ городъ.“

Разъ такая повадка имѣла мѣсто для мусульманъ турецкаго или иного какого племени, то болѣе любопытные изъ нихъ могли посѣщать храмъ Св. Софіи и видѣть другія достопримѣчательности христіанскаго города; они иногда могли толпиться среди народа во время какихъ-либо празднествъ или иныхъ торжественныхъ молитвенныхъ сборищъ; могли осматривать храмы и другіе художественные памятники; видѣть церковное богослуженіе и обрядныя процессіи; спрашивать объ ихъ составѣ и значеніи у своихъ знакомыхъ или пріятелей изъ христіанъ же и затѣмъ, на основаніи всѣхъ такихъ данныхъ, сохранить объ этомъ письменныя воспоминанія, дополнивъ ихъ почерпнутыми изъ другихъ, на примѣръ даже книжныхъ, источниковъ преданіями, какъ это вообще водилось всюду въ средніе вѣка, не у однихъ восточныхъ народовъ.

Обычность издавнаго быванія турковъ въ Царь-Градъ и обозрѣванія ими Св. Софіи облечена у нихъ даже въ форму легенды о посѣщеніи этого храма сподвижникомъ Мухаммеда Эюбомъ Ансари, мощи котораго были, по турецкимъ историкамъ, открыты во время послѣдней осады Константинополя турками, что будто бы и способствовало окончательному паденію христіанской твердыни подъ натискомъ орды мусульманской.

Въ этой легендѣ разсказывается, что Эюбъ Ансари послѣ тщетной первоначальной осады Константинополя, посоветовавшись съ своими соратниками, заявилъ пришедшимъ для переговоровъ посламъ константинопольскимъ, что цѣль ихъ приступа есть побывать и совершить два молитвенныхъ поклона — رکعت — въ Св. Софіи. А желаніе это происходило оттого, что будто бы Пророкъ Мухаммедъ, сидя однажды съ своими сподвижниками, сказалъ имъ, что въ городѣ Константинополѣ есть большая церковь, называемая Ая-Суфья; что въ послѣдствіи она достанется его народу и сдѣлается мечетью, и что кто въ ней сдѣлаетъ два молитвенныхъ рекъэта, тотъ будетъ въ царствѣ небесномъ, ради чего, молъ, асхабамъ и захотѣлось, взявъ городъ, совершить въ Ая-Суфьѣ по два мо-

литвенныхъ поклѣна. Съ этимъ заявленіемъ были отправлены послы къ византійскому императору. Тотъ, посовѣтовавшись съ своими вельможами, далъ свое на это согласіе, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мусульмане не всѣ вдругъ, а поочередно, партіями приходили творить въ Св. Софїи молитву по своему обряду и уходили опять обратно. Такъ и было отписано Эюбу. И вотъ онъ съ 500 человекъ ¹⁾ прибылъ въ лодкахъ къ пристани, выходящей на Мраморное море. Туркамъ велѣно было снять и оставить свое вооруженіе. Они розоружились и, окруживъ Эюба, пошли прямо въ Св. Софїю; совершили тамъ два колѣнопреклоненія, помолившись о томъ, чтобы она сдѣлалась молебнищемъ исламскимъ, и стали осматривать храмъ со всѣхъ четырехъ сторонъ его. Тогда одинъ духовный — کشیش —, пользовавшійся общимъ вліяніемъ и авторитетомъ, поднялъ крикъ на весь народъ, что-де впускъ мусульманъ въ Св. Софїю есть оскверненіе храма Божія.

По его внушенію, мусульманъ уговорили остаться погостить еще нѣсколько дней, чтобы погулять по городу и осмотрѣть его хорошенько, между тѣмъ привели ихъ къ Адріанопольскимъ воротамъ и тамъ произвели на нихъ внезапное нападеніе. Произошла горячая схватка, длившаяся часа три. Оставшіеся цѣлыми мусульмане, дойдя до Кривыхъ воротъ, перебили привратниковъ и стражей и вышли вонъ. Вотъ тутъ-то и былъ смертельно раненъ камнемъ въ голову Эюбъ Ансари, отчего онъ вскорѣ и умеръ и погребенъ близъ Кривыхъ воротъ въ дубовой рошѣ ²⁾.

Было ли то на самомъ дѣлѣ, что разсказывается въ вышеприведенной легендѣ, не извѣстно, а если и было, то очень давно, въ 52 году гиджры, т. е. въ 672 г. нашего лѣтосчисленія. Важно то, что повѣствуемый фактъ, если онъ даже и вымышленный, можно считать лишь позднѣйшимъ обобщеніемъ множества отдѣльных случаевъ побывки турковъ въ Константинополѣ подъ разными предлогами, имѣвшихъ мѣсто задолго до окончательнаго ихъ водворенія въ немъ.

¹⁾ По другому варианту: съ 1000 человекъ.

²⁾ متعجبان اولیا جلیبی، فتح قسطنطنیه و تعریف ایا صوفیه، литограф. изд., стр. 60—62; константиноп. изд. 1262 = 1846 г. стр. 54—56.

II.

Овладевъ Константинолемъ, турки, какъ невѣжды и мусульмане, не въ состояніи были понять высокаго внутренняго смысла и оцѣнить художественнаго достоинства этого богатаго наслѣдія совершенно чуждой для нихъ культуры въ видѣ архитектурныхъ, преимущественно религіознаго назначенія, зданій, или художественныхъ историческаго и аллегорическаго значенія памятниковъ—статуй, обелисковъ, иконъ, фресокъ и всевозможныхъ иныхъ украшеній. Все это, чуждое для ихъ какихъ-либо воспоминаній историческаго прошлаго и недоступное для ихъ низкаго умственнаго и художественнаго развитія, производило однако же на нихъ какое-то смутное, но все же довольно сильное впечатлѣніе. Всякое ваятельное или живописное изображеніе казалось имъ при ихъ магометанскомъ религіозномъ міросозерцаніи богопротивнымъ идолствомъ, но въ то же время представлялось ихъ невѣжеству и до крайности суевѣрному воображенію не простымъ произведеніемъ ума и рукъ человѣческихъ, а таинственнымъ вмѣстилищемъ какой-то невѣдомой силы—талисманомъ — طلم—: не даромъ же это послѣднее слово, будучи продуктомъ суевѣрной восточной фантазіи, въ томъ же своемъ значеніи вошло въ употребленіе и въ языки всѣхъ европейскихъ народовъ. Вотъ этимъ самымъ именемъ и называются въ турецкихъ книгахъ всѣ константинопольскіе монументы, памятники скульптуры и живописи и всякіе болѣе или менѣе замысловатые по своему составу и свойствамъ предметы.

Болѣе любопытные и посвоему даже ученые книжники изъ турковъ, интересуясь вышеозначенными предметами, иногда наводили справки о предыдущей судьбѣ ихъ, непосредственно или съ чужою помощію, въ греческихъ источникахъ. На это указываетъ такое преданіе о самомъ завоевателѣ Константинополя султанѣ Мухамедѣ II. Когда падишахъ, читаемъ мы у турецкихъ историковъ, разѣзжалъ по городу и, осматривая его, увидѣлъ разныя украшения и талисманы, которые были таковы, что не походили на произведенія рукъ человѣческихъ, то онъ тотчасъ же велѣлъ собрать изъ Рума (т. е. бывшаго Византійскаго царства) и изъ Фиренгистана всѣхъ знатоковъ исторіи изъ монаховъ, поповъ и архіереевъ и спро-

силъ у нихъ, кто были строители Константинополя; кто туда приходилъ, и кто уходилъ; кто были правившіе тамъ цари. Они дали ему свѣденія, найденныя ими въ извѣстныхъ имъ историческихъ книгахъ ¹⁾).

Въ этомъ преданіи пытливость Мухаммеда Фатиха изображается точь-вточь какъ въ Бесѣдѣ Іерусалимской или въ Стихѣ о Голубиной Книгѣ, только въ частномъ примѣненіи къ древностямъ Константинополя. Это преданіе тоже очень типическаго свойства. Подробности его, конечно, отзываются фэбулою, но въ общемъ оно правдоподобно, тѣмъ болѣе что рядомъ съ нимъ существуетъ другая легенда объ испытаніи тѣмъ же султаномъ сущности христіанскаго вѣроученія, связанная съ происхожденіемъ турецкаго текста извѣстнаго исповѣданія христіанской вѣры Геннадія Схоларія.

Турецкое сочиненіе فتح قسطنطينيه وتعريف آيا صوفيه = Завоеваніе Константинополя и описаніе св. Софіи, откуда взято вышеприведенное преданіе объ археологическихъ разслѣдованіяхъ султана Мухаммеда II, есть, безъ сомнѣнія, поздняя компиляція, составленная на основаніи болѣе раннихъ историческихъ сочиненій. Къ числу послѣднихъ можно, на примѣръ, отнести تاج التواريخ, = Вѣнецъ Лѣтописей Са'дъ-Эддина († 1599), у котораго цѣлая статья посвящена преданіямъ о построеніи Константинополя и Св. Софіи ²⁾, со ссылкой, какъ на источникъ, на توارىخ ادريسه ³⁾, подъ чѣмъ надо разумѣть, вѣроятно, лѣтопись Идриса Битлиси подъ заглавіемъ هشت بهشت = Восемь Парадисовъ.

Другой, современный предыдущему историкъ, сохранившій подобныя же преданія, есть извѣстный полигисторъ Мустафа Аали-челеби († 1599), у котораго эти преданія помѣщены въ его сочиненіи كنه الاخبار = Суть Извѣстій ⁴⁾.

У этого полигистора, въ свою очередь, мы не разъ встрѣчаемъ такія критическія оговорки. Статью о построеніи Константинополя

¹⁾ فتح قسطنطينيه, стр. 24.

²⁾ تاج التواريخ, констант. изд. 1279=1862—1863 г., т. II, стр. 434—447.

³⁾ تاج التواريخ, II, стр. 443.

⁴⁾ كنه الاخبار, конст. изд., часть V, стр. 261—280. См. также рукопись Импер Публ.

Библ., приобрѣтенія В. Д. Смирнова, шкафъ V, полка 6, № 1, ч. I, лл. 133 v.—143 v.

онъ начинается слѣдующими словами: *نه وجهله ايدوكى اگرچه بعض كتب توارىخده* = „Какъ оно было, хотя объ этомъ и написано въ нѣкоторыхъ историческихъ книгахъ, но оно разсказывается и извѣщается со многими противорѣчїями“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Аали-челеби тоже замѣчаетъ: „Подробности того, какъ было окончено построение Ая-Суфьи, и какъ со всего свѣта свезены были туда разноцвѣтные и узорчатые мраморы, написаны въ нѣкоторыхъ книгахъ, окончательно же они не весьма извѣстны“²⁾. Начиная „другой разсказъ о построении Св. Софїи“ — *روایت اخرى در بناء ایا صوفیه* —, Аали-челеби опять оговаривается: „Въ нѣкоторыхъ исторїяхъ изображено“ и т. д.³⁾. Но при этомъ онъ однако же нѣсколько разъ указываетъ и на опредѣленный источникъ, изъ котораго онъ почерпалъ свои свѣденїя. Этотъ источникъ называется у него *در مكنون* = „Перль Сокровенный“⁴⁾. Это есть космографическое сочиненіе Языджи-оглу Ахмедъ-Биджана, современника султану Мухаммеду Фатиху автора знаменитой богословской поэмы *محمدیه* — Мухаммедійё. — Въ немъ между прочимъ есть одна статья, озаглавленная: — *صورتلر و شکللر* — Картины и статуи —⁵⁾, гдѣ и трактуется о достопримѣчательностяхъ Константинополя, въ тѣ поры только что подпавшаго подъ власть турковъ, такъ что, можетъ быть, нѣкоторыя изъ описанныхъ въ этомъ сочиненїи чудесъ и диковинъ удивительнаго города были тогда еще цѣлы. Это сочиненіе имѣется во многихъ европейскихъ рукописныхъ коллекціяхъ, въ томъ числѣ въ Парижской Національной библіотекѣ⁶⁾.

Но зато мы знаемъ другое произведеніе османской литературы подъ заглавіемъ *تاریخ قسطنطیه و آیا صوفیه* = Исторія Константинополя и Св. Софїи, сочиненіе нѣкоего Эльяс-эфенди, написанное имъ по желанію Али-паши въ 970 = 1562 году.

¹⁾ *کنه الاخبار*, V: 261; рукопись, ч. I, л. 133 v.

²⁾ Ibid., V: 276; рукопись, л. 141 г.

³⁾ Ibid., V: 278.

⁴⁾ *در مكنون نام كتابده مسطوردر* (V: 275; *کنه الاخبار*); или: *در مكنون نام كتابده يارلشدر* (V: 279).

⁵⁾ Rieu, Catalogue of the Turkish Mss. in British Museum, p. 106a; Hammer, Gesch. d. Osm. Reichth., I: 128, s.

⁶⁾ Въ Импер. библ. въ Вѣнѣ, Flügel, III; 97, № 1661, s; Націон. библ. въ Парижѣ, Ancien Fond Turc № 147 и Suppl. Turc № 404.

Изслѣдованіе этого сочиненія по вышеозначеннымъ парижскимъ рукописямъ показываетъ, что содержаніе ихъ совершенно тождественно, за небольшими, не лишенными впрочемъ нѣкотораго интереса, исключеніями, которыя будутъ указаны у насъ послѣ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Мало того: сочиненіе Эльяс-эфенди почти ничѣмъ не отличается отъ другого болѣе ранняго подобнаго же памятника, написаннаго какимъ-то тоже неизвѣстнымъ авторомъ, въ чемъ убѣждаетъ сличеніе парижскихъ текстовъ съ рукописями Британскаго Музея ¹⁾. Авторъ этого сочиненія былъ современникъ Мухаммеда Фатиха, ибо у него говорится объ этомъ султанѣ какъ о царствующемъ въ то время, когда писалось имъ сказаніе о Константинополѣ ²⁾.

Если, по совершенно вѣрному наблюденію проф. Рьё, сочиненіе неизвѣстнаго автора, содержащееся въ указанныхъ рукописяхъ Британскаго Музея, въ сокращенномъ видѣ внесено Са'дъ-Эддиномъ въ его „Вѣнецъ Лѣтописей“ въ особой статьѣ о древностяхъ Константинополя, то ничто не мѣшало и Эльяс-эфенди имѣть въ рукахъ тѣ же прежніе источники, которыми пользовались близкіе къ нему по времени послѣдующіе историки, какъ Са'дъ-Эддинъ и Аали-челеби. Подобное этому мы видимъ и еще у одного неизвѣстнаго по имени автора того же вѣка, который, написавъ свое историческое сочиненіе подъ заглавіемъ *مجل الطومار* = „Сокращеніе Свитковъ“, куда онъ включилъ также и константинопольскую археологію въ вышеописанной редакціи, представилъ свой трудъ на разсмотрѣніе того же знаменитаго историка Са'дъ-Эддина и получилъ его одобреніе ³⁾.

Преданія о византійскихъ древностяхъ мы находимъ также въ числѣ прежнихъ писателей и у знаменитаго турецкаго путешественника конца XVII вѣка Эвлія-челеби ⁴⁾.

¹⁾ Rieu, Catalogue, p. 47 a, 55 и 251 b.

²⁾ Ibid., p. 251 b.

³⁾ Ibid., 54 b—55 a.

⁴⁾ Къ слову сказать, полный текстъ описанія многочисленныхъ и разнообразныхъ странствованій этого любознательнаго путешественника по призванію долгое время былъ неизвѣстенъ: приходилось пробавляться лишь крошечнымъ извлеченіемъ изъ него, изданнымъ въ 1846 г. подъ заглавіемъ *منتخب اولیا جلی* = „Изборникъ Эвлія-челеби“, да несомнѣнно удовлетворительнымъ сокращеннымъ англійскимъ переводомъ Гаммера-Пургшталля. Но недавно стало извѣстно, что рукописный экземпляръ полнаго *ساحنامہ* = „Книги Путешествій“ имѣется въ Библіотекѣ Королевскаго Азіатскаго Общества въ Лондонѣ и значится подъ № 22, въ видѣ двухъ огромныхъ фоліантовъ мелкаго убористаго письма. Нако-

Странно только, что этот любознательный и наблюдательный человек и охотник до всевозможных легенд и анекдотов как-то сравнительно немного собрал сведений о таком удивительном чуде мира, как храм Св. Софии.

Что турки, по крайней мере позднейшие, делали заимствования у византийских писателей, об этом они и сами говорят, хотя и глухо, в общих выражениях, в родѣ: مورخان رومك تحریری اوزره = „По писаніямъ историковъ румскихъ“ ¹⁾. Это заимствование еще болѣе обнаруживается и изъ содержанія нѣкоторыхъ легендъ, относящихся къ построению Св. Софії, какова, напр., легенда о явленіи ангела одному юношѣ, сторожившему инструменты строителей въ отсутствіе этихъ послѣднихъ. Ангелъ спросилъ, отчего постройка не кончается, а приостановлена. Юноша-сторожъ отвѣчалъ: „Оттого что въ казнѣ денегъ не хватаетъ“. Тогда ангелъ велѣлъ позвать главнаго мастера и показалъ ему скрытый подъ одною изъ колоннъ строившагося храма кладъ, который потомъ нашли, и на эти деньги dokonчили сооруженіе ²⁾. Другая подобная же легенда существуетъ о чудесномъ полученіи самаго плана будущаго храма ³⁾.

Оказывается, что эти легендарныя сказанія находятся у Павла Силенціарія въ особомъ его сочиненіи о построеніи Св. Софії ⁴⁾, откуда они тѣмъ или инымъ путемъ попали и въ турецкія о томъ же предметѣ сочиненія. Извѣстно, что въ прежнія времена водились среди турковъ магометане изъ христіанъ-ренегатовъ и притомъ изъ образованныхъ людей, отъ которыхъ любознательные турки и заимствовали свѣденіями изъ недоступныхъ имъ христіанско-европейскихъ источниковъ.

III.

Такимъ-то, надо полагать, путемъ, т. е. путемъ литературнаго заимствования и непосредственныхъ наблюденій и допытываній могъ

нецъ сами турки съ прошлаго года надумались издавать этотъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ памятникъ прежней османской литературы, вмѣсто того чтобы печатать всякую дребедень, какая до сихъ поръ печаталась стамбульскими библюфилами.

¹⁾ منتخبات اولیا چلی، 70.

²⁾ كنه الاخبار، V: 276.

³⁾ فتح قسطنطیه، 49—50.

⁴⁾ Hammer, Constantinopolis und der Bosphoros örtlich und geschichtlich beschrieben Pesth, 1822. Ss. 339—340.